

ТИМКО НАТАЛЬЯ ВАЛЕРЬЕВНА

**Основные проблемы лингвокультурной
трансляции в процессе перевода**
*(на материале переводов английских, немецких
и русских художественных текстов)*

Специальность 10.02.20 – сравнительно-историческое,
типологическое и сопоставительное языкознание

АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание учёной степени
кандидата филологических наук

*Работа выполнена на кафедре германской филологии
лингвистического факультета
Московского педагогического университета*

Научный руководитель:

доктор филологических наук, профессор

Л.К.Латышев

Официальные оппоненты:

доктор филологических наук

Н.К. Рябцева

кандидат филологических наук, профессор

М.Я. Цвиллинг

Ведущая организация:

Московская гуманитарно-социальная академия

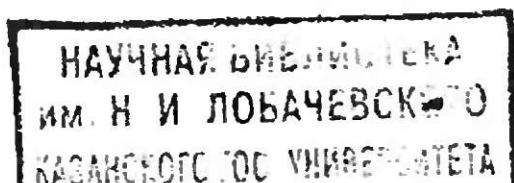
Защита состоится 31 мая 2002 г. в 15 час. на заседании диссертационного совета Д 212.203.12 в Российском университете дружбы народов по адресу: 117198, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6, ауд. 436.

С диссертацией можно ознакомиться в Научной библиотеке Российского университета дружбы народов.

Автореферат разослан 29 апреля 2002 г.

Учёный секретарь диссертационного совета:

кандидат филологических наук, доцент *Будильцева* **М. Б. Будильцева**

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Настоящая работа посвящена рассмотрению проблем перевода в лингвокультурологическом аспекте.

Исследование ориентировано на описание наиболее характерных расхождений в языковых картинах мира у представителей английской, немецкой, русской и некоторых других лингвокультурных общностей и путей нейтрализации средствами перевода культурных барьеров, способных вызвать “сбои” в процессе опосредованной двуязычной коммуникации. В этой связи исследуются проблемы передачи содержания художественного текста с особым вниманием к его “культурным” компонентам, составляющим одну из фундаментальных трудностей в переводе.

Актуальность настоящего исследования определяется своей направленностью в важную и недостаточно изученную область взаимодействия языка и культуры, которое проявляется в двух аспектах: “культура, отражённая в языке” (особая национальная языковая картина мира) и “культура, описываемая языком” (представление фактов культуры в содержании текста). При этом каждый из этих аспектов имеет свою выраженную специфику.

Исследование актуально в лингвистическом, и особенно – в лингвопереводческом плане, ибо, как неоднократно отмечено в лингвопереводческих работах, проблематика передачи отражённой в ИТ национальной культуры – наиболее сложный и ещё недостаточно изученный аспект переводческой деятельности.

Целью работы является классифицировать элементы культуры, отражённые в художественном тексте, и описать основные способы их отражения в тексте перевода. Данная цель определяет задачи исследования, которые можно сформулировать следующим образом: описание способов, которыми культура манифестируется в языке и речи; рассмотрение возможностей коммуникативно-прагматической адаптации, определяющих степень сохранения или элиминации культурной информации в процессе перевода; рассмотрение основных переводческих стратегий и приёмов при передаче культурного компонента исходного текста; анализ типичных ошибок, возникающих в процессе трансляции культурной информации при переводе.

Методом исследования является сопоставительный анализ оригиналов и переводов, контрастивный культурологический анализ. Значительное внимание при этом уделяется анализу переводческих ошибок и их причин.

Научная новизна исследования состоит в том, что в диссертации систематизируются и описываются способы лингвокультурной трансляции в процессе перевода, которые выглядят как некоторые особые операции, имеющие

свою технологию. В зависимости от жанра текста и объективных возможностей перевода элементы культуры в процессе лингвокультурной трансляции воспроизводятся более или менее полно, иногда опускаются или подменяются функционально аналогичными элементами другой культуры.

Теоретическая значимость работы состоит в том, что полученные нами результаты позволяют в определённой мере пополнить и усовершенствовать научные представления о проблематике "Культура и перевод", о природе и специфике тех трудностей, которые возникают перед переводчиком при конфронтации двух культур в процессе перевода. При этом мы стремились конкретизировать эти представления. Мы рассмотрели *конкретные* способы манифестации культуры в языке и речи (тексте) и назвали *конкретные* переводческие стратегии и приёмы по преодолению трудностей в двуязычном общении, порождаемых расхождениями контактирующих культур.

Практическая ценность работы состоит в возможности использования её результатов в лекционных и семинарских курсах по теории и практике перевода, общему и сопоставительному языкознанию, стилистике и лингвистике текста, а также на практических занятиях по английскому и немецкому языкам, при написании курсовых и дипломных работ в языковых вузах. Языковой материал диссертации может послужить основой для создания учебных словарей и пособий. Результаты и выводы исследования могут стать основой для практических рекомендаций переводчикам.

Достоверность и объективность результатов исследования обеспечивается надёжностью теоретического фундамента – опорой на признанные и проверенные практикой основные положения лингвистической науки и, в особенности, такого её раздела, как лингвистическое переводоведение, а также достаточным количеством анализируемого материала. Общий объём проанализированной художественной литературы составил 400 печатных листов (около 13.000.000 печатных знаков).

Апробация исследования Основные положения диссертационного исследования изложены в восьми публикациях. О результатах работы докладывалось на международных научных и научно-практических конференциях в Курске, Минске, Санкт-Петербурге, а также на семинарах в Пензе. Материалы исследования использовались при чтении лекций и проведении практических занятий по теории перевода в Региональном открытом социальном институте (г. Курск).

Вышеназванные цели и задачи определили структуру диссертации, которая состоит из введения, шести глав, заключения и библиографии.

Во **Введении** обоснован выбор темы и материала исследования, обоснованы актуальность и новизна, названы цели и задачи диссертации, аргументи-

рованы её практическая и теоретическая значимость, достоверность полученных результатов.

Первая глава посвящена определению теоретических основ, на которых строится исследование. Рассматриваются такие проблемы, как множественность определений культуры в современной науке и их адекватность, трактовка культуры в науке о языке и переводе: проблема взаимообусловленности национального языка и национальной культуры, национальной специфики речевого поведения и общения; проблема национального “образа мира”, заданная языковой и внеязыковой реальностью; фактор культуры в переводе.

Вторая глава посвящена тому, как манифестируется культура в языке и тексте. В ней трактуется онтология и лингвистический статус культурного компонента лингвоэтнического барьера. В подразделе “Языковая система” описываются все типы лексем с выраженным культурным компонентом в семантике, в подразделе “Речевая норма” описывается культурный компонент, зафиксированный в стереотипах речевого поведения. В подразделе “Способы отражения культуры в речи (тексте)” мы обращаемся к “культуре, описываемой языком”, представляющей собой внеязыковую (экстралингвистическую) реальность, отражённую в тексте.

В третьей главе описываются основные переводческие традиции в части трансляции культуры при переводе. Здесь критически рассматриваются такие экстремальные проявления перевода, как буквальный и вольный переводы, а также варианты собственно перевода – перевода с различными степенями культурно-прагматической адаптации к новому адресату текста. В данной главе основное внимание уделено переводческим стратегиям, ориентированным либо на сохранение культурных конвенций ИТ, либо на их элиминацию.

В четвёртой главе рассматривается технология трансляции культуры, отражённой (тем или иным способом) в процессе перевода, т.е. основные “технические” способы преодоления культурного барьера. Положения и выводы главы базируются на анализе результатов, полученных путём сопоставительного изучения текстов оригиналов и переводов.

В пятой главе рассматриваются основные типы ошибок, возникающие в процессе культурной трансляции при переводе.

В шестой главе рассматриваются границы “культурологической переводимости”. Здесь исследуются такие случаи существенной потери культурологической информации, которые могут сделать продукт языкового посредничества неэквивалентным, а перевод неэффективным.

В Заключении обобщены результаты исследования и сделаны выводы в

соответствии с поставленными в исследовании целями и задачами.

Библиография включает в себя список использованных теоретических работ.

На защиту выносятся следующие положения:

1. Язык как инструмент номинации взаимодействует с культурой не только в процессе её возникновения и развития в качестве “второй, сотворённой человеком природы”, но и в процессе аккультурации реального, первозданного мира – в процессе приспособления его к нуждам человеческого общества. Поэтому широко известная лингвистическая метафора “язык делит мир, язык определяет видение мира его носителем”, по-видимому, может быть уточнена: картину видения мира, его членение определяет культура (с помощью языка, закрепляющего и передающего от поколения поколению результаты этого членения, это видение).

2. Взаимодействуя с культурой упомянутым образом, языковые знаки так или иначе накладываются культурой. В значении многих знаков достаточно чётко может быть выделен культурный компонент (термин Н.Г. Комлева), представленный денотативным значением или “сопровождающими” его коннотациями. Первое является прямым результатом процесса номинации национально-культурных объектов и явлений: *масленица, завалинка, лежанка на печи*, вторые чаще возникают в процессе аккультурации первозданного мира: у русских *медведь* – неуклюжесть, у немцев – сила; для украинцев свиное сало – любимая еда, для мусульман – нечто отвратительное.

3. Наполнение (переводимого) текста культурологическим содержанием происходит различными способами: через языковые единицы с культурным компонентом в виде денотативного значения, с культурным компонентом в виде коннотаций и путём более или менее развёрнутых описаний разного рода объектов, явлений культуры, культурно-исторических событий. Эти описания могут быть сжаты до размеров упоминаний (аллюзий).

4. Каждый из упомянутых способов репрезентации культуры в исходном тексте связан со своими переводческими трудностями. Наибольшие – с аллюзиями, словами, обозначающими явления субкультур (афроамериканцев, разного рода маргиналов и т.д.).

5. Трудности, связанные с передачей культурологического содержания исходного текста проистекают из двух основных причин: 1) явление иноязычной культуры не знакомо носителям ПЯ (переводящего языка), 2) аналогичное явление культуры по-разному оценивается разными народами: например, носителями ИЯ (исходного языка) – положительно, а носителями ПЯ – отрицательно. В последнем случае добиться эквивалентности перевода невозможно, поскольку невыполнимо главное условие эквивалентности – по-

тенциально равноценное воздействие ИТ (исходного текста) и ПТ (переводящего текста) на своих адресатов. Именно в этих случаях подтверждается распространённое в переводоведении мнение, что расхождение культур в принципе более серьёзное препятствие на пути достижения эквивалентности перевода, чем расхождение языков.

6. Существуют две принципиально различающиеся друг от друга стратегии передачи культурологического содержания исходного текста. Первая заключается в том, что культура носителей ИЯ адаптируется к восприятию носителей ПЯ: смягчаются различия культур, резко специфическое заменяется более общим (генерализация) или сходным (адекватная замена). Другая стратегия заключается в обратном – читатель переносится в мир культуры носителей ИЯ: культурные различия порой даже подчёркиваются (использованием большого количества транслитераций). При той и другой стратегии используются явные и имплицитные (встроенные в текст) разъяснения (примечания) переводчика. Первую стратегию можно именовать сильной адаптацией, а вторую – слабой.

7. Выбор сильной или слабой культурной адаптации определяется тем местом, которое занимает культурное своеобразие в системе художественных ценностей произведения. Если национальный колорит – одно из главных его достоинств для читателя перевода (например, сказки “Тысяча и одна ночь”), то избирается стратегия слабой адаптации. Если главное – общечеловеческие проблемы, то предпочтение, как правило, отдаётся сильной адаптации.

8. Известно, что процесс перевода связан с определёнными потерями содержания. Имеют место и потери культурологического содержания. Особенно много их при переводе фольклора (например, нет адекватных эквивалентов для таких русских культурно-национальных понятий как *сени*, *лежанка на печи* и т.п.). Наиболее яркие и ценные в художественно-эстетическом плане детали культуры нивелируются (ср. *изба* ~ *house*). В этих случаях возникает вопрос об эффективности перевода, вопрос о предпочтительности использования иного вида языкового посредничества (пересказа). Подтверждается тезис Л.К. Латышева, что перевод – далеко не во всех случаях оптимальный способ преодоления лингвоэтнического барьера.

СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Существует более 500 определений “культуры”, каждое из которых выделяет свою грань в её изучении. На стыке веков понятие культуры приобрело новое звучание. Если раньше преобладало понятие о так называемых культурных ценностях, произведениях искусства, литературы и т. д., то в современном мире возрастает важность понятия культуры как второй природы – совокупности всего материального и духовного, созданного нацией и противопоставленного “первозданной” природе, совокупности всего национально-специфического, что отличает один народ от другого (специфика мышления и восприятия окружающего мира, поведения, образа жизни, традиций и т. п.).

В связи с этим поменялись и приоритеты лингвистики: на современном этапе её развития всё больше внимания уделяется вопросам, связанным с национально-культурной спецификой языков, с национальным своеобразием образа мира, сложившегося у лингвокультурной общности. Переводоведы, признавая особое значение, которое имеет для перевода культура, подчёркивают роль перевода как важнейшего средства *межкультурной* коммуникации [Комиссаров, Швейцер, Латышев, Тер-Минасова, Хайруллин, П. ван Нюнен, Nord, Gramsch и др.].

Закрепилось понимание того, что процесс коммуникации будет эффективен лишь в том случае, когда между собеседниками существует понимание, основывающееся на существовании широкого контекста, определяемого культурой [Заботкина].

Если такого контекста нет, коммуникация не достигает цели, происходит конфликт культур. Так, в Латинской Америке “не работает” реклама сигарет “Мальборо”: ковбой, человек на лошади – это представитель беднейшего населения, который может курить только самые дешёвые и поэтому плохие сигареты. Испанская фирма договорилась с Мексикой о продаже большой партии пробок для шампанского, но имела неосторожность покрасить их в бордовый цвет, который оказался в мексиканской культуре цветом траура – и сделка сорвалась. Одна из версий гибели казахского самолёта при посадке в Дели объясняет аварию конфликтом культур: индийские авиадиспетчеры дали высоту не в метрах, а в футах, как это принято в английской культуре и в английском языке [Тер-Минасова].

Одним из кардинальных вопросов современного языкознания является вопрос о том, каким образом знание о мире (в том числе и культура) находит представление в языке. В этой связи исследуется проблема “картины мира”, то есть того, “каким рисует мир человек в своём воображении”.

Путь от внеязыковой реальности к понятию и далее к словесному выражению неодинаков у разных народов, что обусловлено различиями истории и условий жизни этих народов, спецификой развития их общественного сознания. Однако при этом во всех языках мира есть нечто общее. Это общее проявляется в содержательной стороне языка и служит основой для коммуникации на любом языке. Сравните фразеологические единицы, имеющие одинаковый смысл при различии внешней и внутренней форм: тур. *Родиться при чтении молитвы*, англ. *Родиться с пени во рту*, Родиться с *серебряной ложкой* во рту, венг. *Родиться в плёнке*, польск. *Родиться в цепце*, рус. *Родиться в рубашке*, англ. *Родиться в капюшоне*, вьет. *Родиться в шелку и бархате*, монг. *Родиться в отцовской шубе*.

Как национальный язык, так и национальная культура являются проявлением особого национального менталитета. В процессе эффективной двуязычной коммуникации (посредством перевода) имеет место межкультурная коммуникация, под которой принято понимать адекватное взаимопонимание двух разноязычных и принадлежащих к разным культурам участников коммуникативного акта. Каждый из участников коммуникативного акта несёт свою, чужую (*иную*) для другого культуру, элементы которой могут быть другому просто неизвестны.

Поэтому чтение *иностранной* литературы неизбежно сопровождается и знакомством с чужой, *иной* страны культурой, и конфликтом* с ней.

Следовательно, преодоление только языкового барьера в переводе явно недостаточно для обеспечения эффективности общения между представителями разных культур. С тем, чтобы подчеркнуть, что в процессе перевода наряду с дифференциалом языков преодолевается этнический (культурный) дифференциал, Л.К. Латышев заменил термин “языковой барьер” на “лингвостнический барьер”.

Помимо описания элементов национальной культуры в тексте (обычаев, предметов быта, легенд и т.д.) национальная культура представлена в самом средстве описания – языке и его манифестации – речи (узусе).

* В отличие от прямого, непосредственного конфликта культур, возникающего при реальном общении с иностранцами (подобного рода примеры приведены выше), существует также косвенный, или опосредованный конфликт культур, возникающий при общении с иностранной культурой (книги, фильмы, язык и т.д.). В этом случае культурный барьер менее видим и осознаваем, что делает его ещё опаснее. Например, японских читателей, впервые познакомившихся в переводе с романом Л. Толстого “Воскресение”, “не поразило то, что Катюша Маслова проститутка: это занятие в их стране не содержит в себе той позорной характеристики, которую оно имеет у нас. Поразило то, что Катюша любила Нехлюдова и откасалась от брака с ним; любила и поэтому ушла с другим” [Прокопович].

Расхождение системы ИЯ и системы ПЯ в аспекте культур

В значении многих знаков достаточно чётко может быть выделен культурный компонент, представленный денотативным значением или "сопровождающими" его коннотациями. Так как в основном реальный мир, за исключением природно-географических различий и национально-культурных реалий, един для всех людей, то денотативные значения слов того или иного языка являются в своей массе носителем универсального. Что касается слов с культурным компонентом в денотативном значении (реалии), то он репрезентирует не общее, а особенное в картине мира, свойственное данному этносу или группе этносов: рус. *ланти, будёновка, колобок*, англ. *elevated railroad, boy scout, Humpty-Dumpty, bread-and-butter letter*, нем. *Eintopf, Jodler, Richtfest, Oktoberfest*.

Помимо реалий, языковыми единицами яркой "культурной природы", представляющими большую трудность для переводчика, являются разного рода иносказания, содержащие понятный всем носителям языка или членам определённой социальной группы намёк. Например, нем. *der blaue Brief* (букв. "синий конверт") имеет в немецком устойчивые иносказательные значения: 1) *уведомление об увольнении с работы, службы*, 2) *вызов в школу родителей неуспевающего ученика*. Английское словосочетание *dead rabbit* (букв. "мёртвый кролик") часто употребляется иносказательно и обозначает *гангстера, головореза*.

Ещё большие трудности для переводчика представляет собой аналогичная лексика, являющаяся достоянием отдельных субкультур, например:

субкультуры афроамериканцев (Black Culture) со свойственным ей лексиконом: *woofing, signifying, dozen* (обмен оскорблениями в адрес родственников, особенно матерей), *bad* (в значении "good") *whittie, paddy, honky* (пренебрежительные обозначения белого человека);

возрастных групп (*yuppie* – молодые, преуспевающие служащие среднего класса с чёткой установкой на достижение успеха);

профессиональных групп, например, культура джазовых музыкантов: *nitty-gritty* (практические детали), *cool* (самоконтроль), особенно в выражениях *to get to nitty-gritty, to blow one's cool*);

групп, выделяемых по признаку пола (например, феминистская культура со своим лексиконом: *lib* – освобождение от дискриминации, *libber, libbie* – участник движения женщин за свои права) и т.д.

Речевая норма (узус)

Узус отражает языковые привычки носителей языка, поэтому его можно рассматривать как культуру речевого поведения, которая представляет собой

совокупность тематико-ситуативных правил употребления языка (как принято говорить в данной ситуации и как принято говорить на данную тему).

Услышав просьбу позвать кого-либо к телефону, по-русски спросят: *Кто его спрашивает?*, а по-английски: *Who shall I say is calling?* Указать, в какую сторону открывается дверь, нужно по-английски надписью *Pull* или *Push*, по-русски – *К себе* или *От себя*, а по-немецки – *Ziehen* или *Drücken*. О свежескрашенном предмете (англ. *Wet paint*, нем. *Frischgestrichen*) по-русски напишут: *Осторожно, окрашено*, а о наличии хрупких предметов в упаковке (англ. *Fragile*) по-русски предупреждают *Осторожно, стекло*. Семантически эти выражения не равны, но для общения важно, что они равны прагматически и, следовательно, взаимозаквивалентны в переводе.

Культура, представленная в тексте

В отличие от элементов культуры, “проникающих в текст” с языком и речевыми стандартами, то есть в какой-то мере автоматически, описания культурных объектов внеязыковой реальности попадают в текст по воле автора, воплощающего свою интенцию. В отличие от языковых единиц и речевых стандартов, которые обладают культурным компонентом значения ещё до того, как они употреблены в речи, культурное содержание на базе описания экстралингвистических объектов культуры возникает только в тексте.

Расхождение преинформационных запасов носителей ИЯ и ПЯ может привести к полному непониманию исходного текста носителями переводящего языка.

Приведем пример диалога, происходящего между англичанами:

- *Mother, may I go skiing?*

- *No, I'm sorry. I have no money.*

Тем, кто не знаком с английским бытом, этот диалог может показаться бессмысленным. Зачем для того, чтобы покататься на лыжах, нужны деньги? Дело в том, что в Великобритании кататься на лыжах считается роскошью, потому что для этого нужно ехать на горный курорт в Швейцарию.

Приведём ещё один пример того, что незнание экстралингвистического контекста может серьёзно затруднить перевод:

Die drei alten "K" sind out. Das neue "K" steht für "Karriere".

Для того, чтобы понять смысл данного предложения, необходимо знать, что прежние три буквы “К” – *Kinder* (дети), *Küche* (кухня), *Kirche* (церковь) – считались уделом немецкой домохозяйки. Теперь же новое “К” говорит о “карьере”.

Достаточно часто культура в тексте отражена в аллюзиях, намёках на известные носителям ИЯ события, литературные произведения и их героев,

но не обязательно знакомые посетителям ПЯ. В переводе прямая передача аллюзий (иносказаний), как правило, не эффективна, поскольку не даёт адресату перевода возможности адекватно интерпретировать высказывание. Переводчикам в этих случаях приходится либо компенсировать “недостающее” содержание с помощью примечания переводчика, либо эксплицировать подразумеваемую информацию непосредственно в текст перевода.

...*he set his cloak for the Virgin Queen to walk on* (W.S. Maugham. “The Moon and Sixpence”).

...он постелил свой плащ, чтобы королева смогла пройти (пер. и прим. Н. Ман).

В примечании: Имеется в виду приобретший широкую известность рассказ о том, как Ралей, повстречавшись с королевой на грязной проезжей дороге, проявил исключительную галантность и своим великолепным плащом прикрыл лужу, чтобы дать возможность Елизавете переступить её, не замарав туфель.

Речевой этикет

Очень часто бывает сложно отделить национально-культурный компонент семантики (культуру, аккумулированную в языке) от экстралингвистической культуры, описанной автором в тексте. Говоря это, мы имеем в виду, в первую очередь, речевой этикет. Речевой этикет представляет собой особый вид культурного содержания – культуру, воплощённую в речевых правилах. Будучи особым видом узуса, речевой этикет отличается от обычного узуса своей императивностью. Отход от узуса не воспринимается, как отход от культурных установок, правил. Нарушение речевого этикета воспринимается именно так.

Непривычный речевой этикет способен вызвать культурный шок. С.Г. Тер-Минасова рассказывает о том, как была поражена студентка из Индии, приехавшая учиться в Россию, тем, что русские дети называют родителей на “ты”, поскольку в индийской культуре принято всех, кто старше (включая родителей и самых близких родственников), называть на “вы”.

В английском языке нет разграничения ты/вы, существует одна безальтернативная форма *you*, которая навязывает говорящему формально-официальное отношение. Переход к более близким отношениям у англоговорящих означает обращение к собеседнику по имени.

Такая асимметрия требует использования особых приёмов в переводе.

В качестве примера можно привести русскую фразу “Она впервые назвала его на “ты” из текста, который был переведён на английский язык разными переводчиками. Один из переводчиков перевёл эту фразу следующим образом:

It was the first time she addressed him in the first person singular.

Этот перевод звучит анекдотически, и, вместе с тем, строго говоря, его можно считать семантически адекватным, поскольку он передаёт всю семантическую информацию, которую несут входящие в данное высказывание языковые единицы. Для того, чтобы передать и прагматическую информацию, переводчик снабдил свой перевод примечанием, в котором попытался объяснить читателю, в каких случаях в русском языке употребляется местоимение второго лица единственного числа. Более удачный способ перевода предложил другой переводчик:

It was the first time she called him by his Christian name.

Переводчик, используя приём адекватной замены, подбирает в качестве функционального аналога русского “ты” соответствующую форму обращения, принятую в английском языке в сходной речевой ситуации.

При переводе английского *you* нужно учитывать и эпоху, так как в прошлые века, особенно в Англии, было принято более церемонное обращение.

В отличие от русской и французской культурной традиции по-английски принято говорить в обществе о присутствующем *he* или *she*. Даже в пьесах Оскара Уайльда и Артуро Пинеро персонажи из великосветского общества говорят о присутствующих уважаемых людях, называя их “он” или “она”. Так поступает, например, секретарь лорда Иллингворта в пьесе “Женщина, не стоящая внимания”, говоря о своём патроне. Конечно, в русском переводе личное местоимение заменено словами “лорд Иллингворт”. Такая замена необходима и закономерна. Нередко можно видеть, что журналисты в американских газетах называют президента Клинтона просто “Билл”. Это совершенно недопустимо в переводе. Возможно, по-американски это воспринимается как любезность, но по-русски это фамильярность.

Речевая характеристика персонажа

Важную часть культурного содержания текста составляет речевая характеристика персонажа, или отражение личности автора (говорящего). В художественном произведении большое значение имеет не только то, *что* говорит действующее лицо, но и *как* оно это говорит. Полное раскрытие характера героя через его речь требует понимания культурно-исторического “подтекста” (особый вид переводческих трудностей).

С целью речевой характеристики персонажей нередко могут употребляться также диалектальные формы речи. В этом случае перед переводчиком стоит задача передачи той дополнительной информации о территориальной принадлежности и субкультуре говорящего, которая содержится в оригинале.

Так, в романе Л. Франка “Шайка разбойников” есть сцена ссоры в ресто-

ранчике. В ссоре участвуют все местные, все “свой”. За ней наблюдает некто приезжий, который делает попытку вмешаться. Но хозяин заведения пресекает эту попытку, указывая чужаку на его место в прямом и переносном смысле этого выражения и переходя при этом от привычной, диалектально окрашенной речи на литературный немецкий:

“Dort ist Ihr Platz! – sprach er hochdeutsch. (L. Frank. Die Rüberbande).

Von ваше место! – сказал он на безупречном немецком. (пер. И. Каришцевой).

В этом переводе не вполне воспроизведён “подтекст” реплики. Ведь в отличие от немцев русскому адресату перевода не известно, что общение на диалекте в Германии есть знак землячества и основанной на этом близости. Этот этнический нюанс остался за рамками русского текста, ибо передать его средствами перевода было нельзя, а пространные примечания в переводах художественной литературы нежелательны.

Передача содержания культурного характера в переводе, прямо или косвенно связанного с национальной культурой, обусловлена, в частности, проблемой выбора между сохранением в переводе культурно чуждых для адресатов ПТ элементов или их заменой функционально аналогичными явлениями в собственной культуре. Известны два полярных подхода к решению данного вопроса, гипертрофировавших одну возможность и пренебрегавших другой. Речь идёт о буквальном и вольном переводе – двух экстремальных традициях, первая из которых была направлена на погружение читателя ПТ в чуждую ему культуру без какой-либо адаптации культурной информации к восприятию носителя ПЯ, а вторая ориентирована на сверхадаптацию, нередко превращавшуюся в перелицовку иностранного произведения на свой “домашний манер”.

Вольный перевод отличается излишней лингвокультурной адаптацией, т.к. лингвокультурная трансляция производится с чрезмерными поправками на адресата перевода. У адресатов перевода в таких случаях создается ложное впечатление, что культура носителей языка оригинала почти не отличается от его собственной. Переводчик не столько перебрасывает мост через пространство, разделяющее две культуры, сколько делает вид, что такого пространства не существует. Вольный перевод являлся главным препятствием на пути сближения языков и культур, т.к. читатель ПЯ не получает информации о культуре народа ИЯ. Например, О.И. Сенковскому приписывается перевод баллады Бернса “Джон Ячменное Зерно” в духе русской народной былины. Этот перевод включает элементы русского просторечия (*бусурманы, известь, Иван Ерофеич Хлебное Зёрнышко* и т.д.). Одним из самых известных последователей метода вольного перевода считают Иринарха Введенского, который в соответствии со своими теоретическими воззрениями на перевод,

в культурном плане перенёс английских героев в русское общество XIX века, поэтому в его переводах англичане стали “тыкать” лакеям, “ездить на извозчиках”, “шнырять в подворотни”, клерки были заменены приказчиками, писцы – писарями, кепи – фуражками, таверны – трактирами и т.д.

Буквальный перевод обычно отличается недостаточной лингвокультурной адаптацией, которая осуществляется без поправок на адресата перевода. Намерения переводчика перевести текст максимально близко к оригиналу ведут к тому, что читатель “сталкивается” с чужой культурой и теряет возможность вообще адекватно воспринимать текст как художественное произведение. Подобный подход к переводу осуществлялся в советское время в работах ряда отечественных переводчиков в области художественной литературы, в т.ч. Евг. Ланна и А.В. Кривцовой.

Буквальный перевод и вольный перевод необходимо отличать от собственно перевода, утвердившегося в результате исторических “проб и ошибок” в общественной практике, того перевода, что соответствует ожиданиям современного общества. Такой перевод рассматривается как вид языкового посредничества, в ходе которого создаётся текст на языке, отличном от языка оригинала, являющийся прагматически полноценным заместителем (субститут) исходного текста в новой языковой среде [Цвиллинг]

Процесс перевода детерминируется, в первую очередь, языком, а затем – различными системами культуры, составляющими внеязыковую сферу. Особые сложности в передаче прагматического воздействия текста, возникают, когда к языковому барьеру прибавляется внеязыковой (культурный).

Поэтому такой усложняющий двуязычную коммуникацию фактор, как различия в культурах, вызывает необходимость в дополнительной культурно-прагматической адаптации транслируемого материала в процессе перевода.

Как уже отмечалось, лингвокультурная трансляция в процессе перевода осуществляется с различными степенями адаптации. Она может быть слабой, сильной или вообще отсутствовать (когда в этом нет необходимости).

Сильная адаптация есть приближение иноязычной культуры к национальной культуре читателя ИЯ. Данному роду адаптации отдаётся предпочтение в тех случаях, когда в тексте художественного произведения общечеловеческое превалирует над ценностями местной культуры, когда этническая экзотика как таковая практически отсутствует или её роль невелика. Цель сильной адаптации – произвести определенные корректуры в процессе передачи содержания с учётом иных лингвокультурных параметров адресата. Переводчик стремится максимально адаптировать культуру носителей ИЯ к культуре носителей ИЯ. Он “камуфлирует” различия в культурах, не вдаваясь в

детали, которые не имеют существенного значения для создания эквивалентного коммуникативного эффекта, прибегает к разного рода адекватным заменам и трансформациям.

Отличительная особенность хорошо выполненной сильной адаптации состоит в том, что она, в основном, осуществляется в границах ПТ без выходящих за его пределы примечаний и комментариев. Это даёт возможность читателю ПТ воспринимать текст без перерывов на чтение примечаний и комментариев - так же, как любой художественный текст на родном языке.

Стремясь приблизить иноязычную культуру к культуре читателя, переводчик, осуществляя сильную адаптацию, подыскивает аналогии в ПЯ, которые могли бы заменить слова ИЯ без ущерба для эквивалентного восприятия ПТ носителями ПЯ. Ср., например, *Санта-Клаус – Дед Мороз, равиоли –пельмени* и т. д. Переводчики используют не только замены, но и различные виды трансформаций. Прагматический фильтр очень часто "отсеивает" некоторые элементы высказывания на ИЯ и заменяет их элементами, понятными для читателя ПТ. Например, в переводе романа "Великий Гэтсби" мы читаем "Я окончил Йельский университет в 1915 году" (Пер. Е. Д. Калашниковой). Между тем, в подлиннике такое предложение: *I graduated from New Haven in 1915*. Дословный перевод "Я окончил высшее учебное заведение в Нью-Хейвене" ничего не сказал бы русскому читателю, поэтому переводчица прямо указывает название университета.

Переводчик может опускать некоторые детали, неизвестные носителю ПЯ: *There were pills and medicine all over the place, and everything smelled like Vick's Nose Drops.*

Везде стояли какие-то пузырьки, пилюли, всё пахло каплями от насморка. Здесь в переводе опущено "Vick's" – фирменное название капель, ничего не говорящее русскому читателю. Хотя это и ведёт к потере толики культурной информации, ею можно пренебречь ради того, чтобы в тексте не было неясных для читателей перевода малосущественных деталей.

Слабая адаптация – наиболее прямая трансляция содержания культурного характера с неизбежным при этом сохранением элементов иноязычной культуры. В этом случае переводческая установка – познакомить читателя с другой необычной культурой, которая, по мнению переводчика, представляет для читателя перевода существенную познавательную ценность, позволяет увидеть иной, экзотический мир людей. Т.к. все культуры равноправны и самоценны, то каждая из них интересна не только тем, что в ней общего с другими, но также и тем, что в ней отличного от других. В процессе адаптации переводчик не затушёвывает различия между культурами, а порой и подчёркивает их, используя приёмы транслитерации, калькирования, сноски,

примечания, разъяснения, тем самым, дополняя картину мира читателя ПЯ сведениями из культуры носителя ИЯ.

Например, в переводе повести Д. Абдуллаханова “Ураган” (Ташкент, 1972), выполненном И. Смирновым, встречается множество “перенесённых” в русский текст узбекских обращений, например, *апакай* – обращение к жене, *акай* или *эв* – обращение к мужу и различные приставки к именам при обращении к друзьям и знакомым – *джан* (муж.) и *хон* (жен.): Маннап-джан, Махидиль-хон, к старшим по возрасту почтенным людям – *ака* (муж.), *апа* (жен.): Гулям-ака. Махидиль-апа, к тётке – *енге*: Шефика енге, к дяде – *эмдже*: Мустафа эмдже. В переводе встречаются также кальки узбекских пословиц, несмотря на то, что для многих из них в русском языке существуют аналоги (Ср., “Воробьёв бояться – проса не сеять”, “Лучше сегодня постное мясо, чем завтра курдючное сало”, “Неотёсанная палка лучше плохого спутника”. “Один человек роет арык, тысячи пьют из него”, “Конь не может нести груз, предназначенный для верблюда”).

Приведём также пример перевода с арабского на русский язык знаменитых сказок “Тысяча и одна ночь”, выполненный М. Салье. В этом переводе, сделанном в традициях переводов с восточных языков, огромное внимание уделено точной передаче ярких и необычных образов знаменитых сказок. Вот как, например, описывается красота женщины: *...стройная и соразмерная, с сияющим лбом..., шея, как у газели..., и прекрасный живот, и пупок, вмещающий унцию орехового масла*. В переводе сохранена также одна характерная черта арабского синтаксиса подлинника – постоянное анафорическое повторение соединительного союза (с помощью русского “и”), как средство связи между предложениями при переходе от одного к другому и между частями сложносочинительных предложений. Сохранен специфически национальный отбор описываемых деталей, характеризующий своеобразие мировосприятия, обусловленное национально-культурной традицией. Эта необычность мировосприятия, национальное своеобразие образного мышления являются в данной книге наряду с другими “экзотическими” деталями не менее ценными для европейского читателя, чем сами описываемые события (сюжеты сказок). Данный стилизованный под арабский текст перевод адекватен цели публикации книги – перенести читателя в другую, необычную культуру, в особый, столь непохожий на нас мир Ближнего Востока.

Специфические трудности, связанные с воспроизведением в переводе содержащейся в исходном тексте информации культурно-этнического характера, имеют двойную природу:

1. Они связаны с явлением культурно-этнической безэквивалентности: отсутствием в культуре носителей ПЯ элементов культуры (реалий), описанных в исходном тексте. В этих случаях переводчики используют:

~ транслитерацию

Da endlich steht er unter der heissen Dusche, trinkt, schon im Halbschlaf, einen Magenbitter, genießt wie sich alles in ihm entspannt und lost. (G. Karau. Go oder Doppelspiel im Untergrund).

Потом он стоит под горячим душем, полусонный пьёт магенбиттер и с наслаждением ощущает во всём теле приятную теплоту и покой (пер. Л. К. Латышева).

В примечании: “Магенбиттер” – горький “желудочный” ликёр, настоящий на целебных травах.

В обычные времена мы жгли лучину (М. Исаковский. На Ельнинской земле).

We burned a luchina, a long splinter of wood thrust into a holder in the wall (пер. М. Ветглин).

~ калькирование

I wouldn't go to one of those Ivy League colleges if I was dying, for God's sake. (Salinger. The Catcher In the Rye.)

Меня в эту “Лигу плюща” никакими силами не заманишь, лучше умереть, честное слово (пер. и прим. Р. Райт-Ковалёвой).

В примечании: “Лига плюща” – неофициальное объединение людей, связанных со старейшими и самыми престижными университетами Америки. Такими как Гарвард, Йел, Принстон, Стэнфорд и т.п. и считающих себя интеллектуальной элитой страны.

~ разъяснительный перевод

An der... Ausfallstrasse, wo die Strassenbeleuchtung und das misstrausiche Auge des Verkehrspostens nicht hinreichen, springt er ab. (G. Karau. Go oder Doppelspiel im Untergrund).

Около магистрали, переходящей в автостраду, подальше от бдительного ока полицейского регулировщика он спрыгивает с поезда (пер. Л.К. Латышева).

Здесь речь идёт об определённой категории улиц, закреплённой в понятии Ausfallstrasse (улица, выводящая на автостраду). В переводе же говорится уже не о категории, а об единичном случае: какая-то улица, переходящая в какую-то автостраду. Здесь подтверждается один из законов языка и мышления: для того, чтобы в сознании языкового коллектива образовалось понятие, фиксирующее определённый класс явлений, необходимо удобное, достаточно краткое наименование. С помощью громоздкого словосочетания трудно выделить соответствующее явление действительности из ряда других явлений и закрепить его в сознании посетителей ПЯ как понятное. Вследствие этого читатель перевода (в нашем примере) не узнает, что в коллективном

сознании немцев есть понятие, обозначающее класс улиц (Ausfallstrasse).

~ уподобляющий перевод

Он приготовился к набивке новой *папиросы*, в то время как в воздухе ещё стоял синеватый дымок только что выкуренной (В. Катаев. Трава забвенья).

He prepared for making a fresh cigarette while the air was still wreathed with the faint blue fumes of the one that had just been smoked (пер. М. Веттлин).

Переводчик избирает традиционный аналог *cigarette*, упуская, однако, из виду, что если в России во времена Бунина папиросы иногда набивали вручную, то в Англии это никогда не делалось. Поэтому, возможно, в текст перевода надо было ввести комментарий, поясняющий важную культурную информацию.

~ элиминацию национально-культурной специфики

Одной из причин элиминирования национально-культурной специфики в переводе может являться стремление переводчика избежать “конфликта культур”, который может возникнуть при буквальном переводе. Поэтому целью переводчика является приближение переводного варианта к моделям, близким культуре, на язык которой выполняется перевод. Например, известно, что в английской культуре женщина, вступая в брак, принимает не только фамилию (last name), но и имя (first or Christian name) своего мужа, что совершенно неприемлемо для русской культуры. Поэтому в переводе эта особенность английской культуры элиминируется, так как указание на женщину, которая носит мужское имя, было бы непонятным русскому читателю:

When she thought of herself it was always as Mary Pease, not Mary Jordache, or Mrs Axel Jordach. (B. Shaw, c.43).

Мысленно она всегда называла себя Мэри Пэйс, а не Мэри Джордах или миссис Джордах.

~ экспликацию национально-культурного содержания

(1). *Top marks at Dartmouth*

С блеском учится в Дармутском университете.

(2). *She met him at the Yale last fall*

Она познакомилась с ним прошлой осенью в Йельском университете.

При переводе этих английских высказываний на русский язык их сокращённые упоминания “разворачивается”, и имплицитная информация об их образовательной принадлежности разворачивается в слово “университет”.

2. Трудности, связанные с воспроизведением в переводе культурной информации обусловлены также **асимметрией культурно-этнических коннотаций денотативных эквивалентов** двух языков. При передаче коннотаций переводчики пользуются следующими приёмами: генерализация, конкретизация, метонимический перевод, перевод по ассоциативно-смысловой функции.

Русское *грибы* и английское *mushrooms* имеют один и тот же денотат: раз-

личия заключаются, главным образом, в функциях, которые эти понятия выполняет в двух культурах, в разном отношении представителей английской и русской культур к грибам. В английской культуре грибы лесные сравнительно мало известны, сбор грибов мало популярен. Видовые названия грибов мало распространены и мало известны, например, такие как: *honey agaric* - *опенок*, *Boletus edulis* - *белый гриб*, *milk agaric* - *груздь*, *Boletus scaber* - *подберезовик* и др.

В переводах для передачи соответствующих русских названий используется родовое понятие *mushrooms*, которое понимается англичанами, главным образом, как "шампиньоны", поскольку англичане предпочитают их всем остальным сортам грибов. Весьма ярким примером подобного рода является перевод отрывка из повести К. Паустовского "Золотая роза":

... после него (грибного дождя - Н.Т.) начинают буйно лезть грибы - липкие *маслята*, желтые *лисички*, *боровики*, румяные *рыжички*, *опенки* и бесчисленные *поганки* (К. Паустовский. Золотая роза).

...and that is why after this kind of rain *all manner of mushrooms* begin to grow. No wonder we call this rain "*mushroom*" rain (пер. М. Ветлин).

В процессе культурной трансляции при переводе очень часто возникают ошибки, препятствующие в определённых местах или даже в целом адекватному восприятию носителями ПЯ художественного произведения. В нашей работе подробно рассматриваются наиболее часто встречающиеся типы ошибок на примере переводов романа Джозефа Хеллера "Catch – 22".

Всего существует два русских перевода этого романа. Более ранний перевод выполнен М. Виленским и В. Титовым в 1967 году, более поздний – А. Кистяковским в 1988 году.

Среди многочисленных реалий в романе встречается множество названий различных видов еды. В процессе перевода адаптация таких реалий обычно происходит в направлении выбора русской реалии, которая в какой-то степени соответствовала бы реалии исходной культуры, то есть используется приближённый перевод.

There was *shish-kabob* for lunch, huge, savory hunks of spitted meat sizzling like the devil over charcoal [...] (21)

1. Там готовили на завтрак *шиш-кебаб*. Огромные, дразнящие обоняние куски мяса жарились на вертелах [...]. (пер. Виленского, Титова, с.28)

2. На обед в тот день подавался *шашлык* – сочные куски мяса, аппетитно шипевшие над жаровней [...] (пер. Кистяковского, 25)

Для перевода названия "shish-kabob" переводчики Виленский и Титов используют транслитерацию, поэтому в переводе появляется никому неизвестное и малопонятное слово "шиш-кебаб". Кистяковский при передаче этой

реалии выделяет её основной признак (куски мяса, зажаренные на вертеле), по которому становится возможным отыскать приблизительное соответствие в русской культуре. Таким соответствием оказывается всем нам хорошо известный “шашлык”. Единственное отличие между одним и другим состоит в том, что в Америке куски мяса для шашлыка больше, и жарятся они не на костре, а на специальной жаровне. Несмотря на то, что в первом переводе из контекста ясно, о чём идёт речь (это поясняется вторым предложением), на наш взгляд, использование транслитерации, ведущей к излишней “экзотизации” текста, всё же неуместно.

Порою авторы более раннего варианта перевода, столкнувшись в оригинале с неизвестным им явлением иноязычной культуры, дают неправильный, ничем не мотивированный перевод:

...teeth like large white marshmallows (В., Т., 106)

1. ...с крупными, как лепестки большой ромашки, зубами. (пер. Виленского, Титова, 125)

2. ...с зубами, как крупная белая пастила. (пер. Кистяковского, 342)

Хеллер сравнивает зубы одного из героев романа с “marshmallows”. Это американская реалия, которая обозначает сладость в форме белого мягкого шарика из сгущенного сахара. В этой связи непонятным представляется первый перевод, использующий достаточно нелепое сравнение. Здесь, на наш взгляд, снова оказывается прав переводчик более позднего издания романа Кистяковский, знакомый с американскими реалиями. Он действует в направлении приближения культур, адаптируя ИТ и находя соответствие в русском языке (пастила).

Если в приведённых выше примерах названия видов еды не играют особо существенной роли в общем контексте романа, то этого уже не скажешь о нижеследующем примере:

The hot dog, the Brooklyn Dodgers, Mom’s apple pie. That’s what’s everyone’s fighting for (9)

1. Горячие сосиски “Бруклин Доджсерс”, мамин яблочный пирог – вот за что все сражаются. (пер. Виленского, Титова, 16)

2. Дедовы капиталы... да свои домашние причиндалы – вот что все защищают! (пер. Кистяковского, 8)

Яблочный пирог и так называемая “быстрая еда” (fast food), куда входят и сосиски, являются национальными символами Америки, то есть символами уже не только материальной культуры, а культуры нации в целом. В переводе эта культурная информация не может быть опущена, так как она лишает читателя ИТ возможности познакомиться с существенными особенностями национальной культуры Америки и понять авторскую иронию. Поэтому

первый перевод совершенно обоснованно вводит читателя в соответствующую часть американской культуры. Американская реалия *hot dog* представляет определённый интерес в том плане, что в наше время она стала широко известной в современной русской действительности и передаётся как “хот дог” (так же, как *hamburger* – гамбургер, *cheesburger* – чизбургер и т.д.). Однако в те времена, когда делался первый перевод (1967) это заимствование русскому читателю было неизвестно, поэтому переводчики, выделив основной признак данной реалии (“сосиска”), дают приближённый (к реалии) вариант перевода. Единственное, что может вызвать недоумение у читателей этого перевода – это название “Бруклин Доджерс”, которое вполне может быть опущено при переводе. Второй же переводчик, на наш взгляд, неудачно адаптирует текст, лишает его авторской прони: вместо милых домашних привычек появляются “капиталы” и фамильярно-грубое “причиндалы”.

Переводчику приходится адаптировать обусловленные культурой речевые стандарты ИТ к иным лингвоэтническим условиям восприятия, отличным от тех, что типичны для представителей ИЯ. Сравним два перевода одной и той же ситуации:

*“You scratch my back,
I’ll scratch yours.”*

- Почеши мне спинку,
и я почесу тебе.

- Сперва ты протянешь
мне руку, потом я тебе.

*“That’s not what I
meant,” Doc Daneeka
said, as Yossarian
began scratching his
back.*

- Да нет, я имел в виду
не это, - сказал
Дейника, когда
Йоссариан начал
чесать ему спину. - Я
говорю о
сотрудничестве.

- Да нет, я не про это, -
сказал доктор Дейника,
когда Йоссариан
протянул ему руку. - Я
про руку помощи.
(пер. Кистяковского, 50).

*“I’m talking about
cooperation. Favors.
You do a favor for me,
I’ll do one for you.”*

(пер. Виленского,
Титова, 42)

(34)

На наш взгляд, второй перевод можно признать более удачным, чем первый. Кистяковский заменяет словосочетание “чесать спинку” на “протягивать руку”. Его переводческое решение соответствует русскому узусу и продиктовано необходимостью культурно-прагматической адаптации.

В романе несколько раз встречается выражение “a milk run to Parma”, что в переводе с жаргона летчиков, героев романа, означает “совершать полёты не в районы боевых действий”, то есть не опасные, ерундовые полёты. Виленский и Титов переводят дословно “полёты за молоком”:

1. *“Appleby, you’ve got flies in your eyes”, he whispered helpfully as they passed by each other in the doorway of the parachute tent on the day of the weekly milk run*

to Parma." (48)

- Эпплби, у тебя в глазах мушки, - шепнул он самым благожелательным тоном, когда они встретились у входа в парашютный склад в тот день, когда слетали за молоком в Парму. (пер. Виленского, Титова, 54)

2. *Suppose we let you pick your missions and fly milk runs.* (106)

Что если сделать так: вы выполните норму боевых вылетов, а затем мы будем посылать вас "за молоком"? (пер. Виленского, Титова, 112)

В первом примере, помимо отмеченного буквализма, имеется ещё один недочёт – дословный перевод выражения "to have flies in one's eyes", то есть "рябить в глазах", "в глазах темно". Что касается перевода выражения "fly milk runs", вероятнее всего, нужно было ввести данное выражение следующим образом: вначале, когда оно встречается в тексте в первый раз, дать дословный перевод с последующим пояснением, чтобы потом у читателей не возникало сомнений относительно того, что такое "летать за молоком".

В диссертации приводится множество аналогичных примеров на случаи этого типа.

Ряд ошибок в переводе, обусловленных различием двух культур, связан с обозначением цвета. Такого рода ошибки являются результатом буквального перевода на русский язык номинаций, ассоциирующихся в английской культуре с определённым цветом, например:

The woman had a long, brooding, oval face of **burnt umber**. (189)

1. У женщины было продолговатое, овальное, задумчивое лицо цвета жжёной умбры. (пер. Виленского, Титова, 204)

2. Мать скорбно поджала тонкие губы, удлинённое лицо у неё было цветом в жжёную умбру. (пер. Кистяковского, 182)

Коннотативное поле номинации "burnt umber" в рамках англоязычной культуры включает в себя чёткую ассоциацию с цветом лица, именуемым русскими землистым. Соответственно и следовало перевести – "лицо землистого цвета".

Milo had at his disposal sumptuous quarters inside a salmon-pink palace... (243)

Здесь в распоряжение Милоу были предоставлены обширные покои в розовом, как лососина, дворце. (пер. Виленского, Титова, 264)

При переводе данной номинации Виленский и Титов не учли, что носители английского языка воспринимают обозначение цвета, сравниваемого с лососиной, как рядовой случай, в то время, как на фоне русского узуса такое обозначение цвета звучит, как эстетическая находка автора. Кистяковский даёт верный вариант перевода:

У Мило здесь имелись шикарные апартаменты в роскошном розовато-оран-

жеском дворце. (пер. Кистяковского, 233).

В диссертации приводятся другие аналогичные примеры

Ещё одна чрезвычайно важная переводческая проблема, с которой столкнулись переводчики при переводе романа Хеллера – передача “говорящих” имён собственных. “Говорящие” имена собственные основываются на культурных традициях этноса как по своей форме, так и по содержанию.

В переводе Виленского и Титова все имена собственные транскрибируются. Кистяковский воспроизводит некоторые значения имен, находит в русском языке адекватные средства для того, чтобы говорящее имя исполнило определённую ему автором роль. На наш взгляд, очень хорошо удалось Кистяковскому передать имена некоторых героев романа, например **Captain Black** и **Sergeant Towser**. Он отказывается от транслитерации “капитан Блэк”, потому что “black” по-англ., помимо основного значения “чёрный”, означает также “грязный”, “мрачный”, “унылый”, “уродливый”, “злой”, “злобный”. Суммируя все эти значения, Кистяковский продолжает синонимический ряд и находит значение “гнусный”. Таким образом, в его переводе появляется капитан Гнус, имя которого, так же, как и имя в оригинале обладает ярко отрицательной характеристикой. Второе имя – Towser совпадает с существующим в английском языке словом “towler”, что означает “огромный пёс”, “здоровый дегина”. Кистяковский, используя значение “огромный пёс”, находит аналогично в русском языке – сержант Боббикс. Данное имя обладает определённой аллюзивностью и ассоциируется у русских читателей с цепным беспородным псом.

В заключение нашего исследования затрагивается ещё одна очень важная теоретическая проблема – проблема границ “культурологической” переводимости художественного текста.

Помимо культурологического *содержания*, в отдельных случаях “непереводимого”, практически непреодолимые или совершенно непреодолимые препятствия на пути достижения коммуникативно эквивалентного перевода, представляют собой некоторые элементы *формы* художественного произведения. Существуют тексты, в которых форма и заключённая в ней национально-культурная специфика, играют доминирующую роль. К таким текстам относятся сказки, былины, другие произведения фольклора. Их основная ценность заключается не в их (иногда достаточно примитивных) сюжетах, а в культурологических деталях, выраженных языком: особенностях быта, народном менталитете, пословицах, поговорках, просторечье, диалектизмах и т.д. Если при переводе значительная часть этих элементов формы нивелируется, то пропадает сам смысл переводить такие тексты.

**Основные положения диссертации изложены
в следующих публикациях:**

1. Ломако Н.В. О некоторых особенностях перевода газетно-информационной заметки // Вопросы теории и практики перевода: Материалы семинара. – г. Пенза, 27-28 февраля 1997 г. – Пенза: Приволжский дом знаний, 1997. – С. 54-56.
2. Ломако Н.В. Переводческая норма информационного текста (на материале русской, английской и немецкой прессы // Материалы научно-практической студенческой конференции. – г. Курск, 9-11 апреля 1997 г. – Курск: Изд-во КГПУ, 1997. – С. 22.
3. Ломако Н.В. Проблема понимания в переводе // Вопросы теории и практики перевода: Материалы семинара. – г. Пенза, 18 марта 1998 г. – Пенза: Приволжский дом знаний, 1998. – С. 77-79.
4. Ломако Н.В. К вопросу о лингвокультурологической адаптации художественного произведения // Международная научно-практическая конференция “Коммуникативные аспекты лингвистики, перевода и методики преподавания иностранных и родного языков”: Тезисы докладов. – г. Курск, 14-19 октября 1998 г. – Курск: Изд-во КГТУ, 1998. – С. 34-37.
5. Тимко Н.В. Технология трансляции культуры в переводе // Международная научная конференция “Беларусь – Бельгия: диалог культур”: Материалы конференции. – г. Минск, 13-14 ноября 1998 г. – Минск: Из-во МГЛУ, 1998. – С.139-153.
6. Тимко Н.В. К вопросу о передаче фонетических особенностей текста при переводе // Международная научная конференция “Произношение как голос иноязычной культуры”: Тезисы докладов. – г. Курск, 30 ноября – 3 декабря 1998 г. – Курск: Из-во КГПУ, 1998. – С. 55-56.
7. Тимко Н.В. Культурный компонент лингвоэтнического барьера // Учёные записки РОСИ. Серия: Лингвистика. Межкультурная коммуникация. Перевод. Вып. 2. – Курск: Изд-во РОСИ, 1999. – С. 37 – 48.
8. Тимко Н.В. Онтология культурного компонента значения. // XXIX межвузовская научно-методическая конференция преподавателей и аспирантов “Актуальные проблемы теории и практики перевода”: Тезисы докладов – г. Санкт-Петербург, 13-18 марта 2000г. – СПб: Изд-во С.-Петербургского университета, 2000. – С. 32-33.

ТИМКО НАТАЛЬЯ ВАЛЕРЬЕВНА (Россия)

**ОСНОВНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ЛИНГВОКУЛЬТУРНОЙ
ТРАНСЛЯЦИИ В ПРОЦЕССЕ ПЕРЕВОДА**

**(на материале переводов английских, немецких и русских
художественных текстов)**

Работа посвящена рассмотрению проблем перевода в лингвокультурологическом аспекте.

В настоящей работе исследуются элементы культуры, отражённые в художественном тексте и описываются способы их манифестации в языке и речи. Кроме того, в работе рассматриваются возможности коммуникативно-прагматической адаптации и основные переводческие стратегии и приёмы при передаче культурного компонента исходного текста. В работе также анализируются типичные ошибки, возникающие в процессе трансляции культурной информации при переводе и описываются случаи непереводимости культурологического характера.

NATALIA V. TIMKO (Russia)

**THE MAIN PROBLEMS OF CULTURAL COMPONENT
TRANSMISSION IN THE PROCESS OF TRANSLATION**

(based on translations of English, German, Russian fiction).

This thesis is dedicated to viewing the problems of translation in the aspect of cultural linguistics.

The thesis investigates cultural elements, reflected in fiction and describes ways of their manifestation in language and speech. The thesis also demonstrates means of pragmatic adaptation and draws attention to the main strategies and methods of comprehensive translation of the source cultural component. It gives analysis of typical mistakes, occurring in the process of cultural information transmission. Impossible cases of cultural component transmission are also concerned in this work.